

Алексей Тепляков

Олицетворение чекизма: к исторической оценке М. И. Лациса

Практик и теоретик чекизма как идеологии советской карательной машины, М.И. Лацис (1888–1938) был одним из основателей ВЧК[1], закономерно в итоге ставший жертвой создаваемой и укрепляемой им страшной машины уничтожения. Между тем до сих пор в литературе можно встретить нейтрально-благожелательные оценки этого мрачного исторического персонажа. Причём исторического в двух смыслах: если Сталин по совместительству был главным историком своей партии, то Лацис — официальным историографом ВЧК.

Мартин Янович (Иванович) Лацис на самом деле был урождённым Судрабсом Яном Пидриковичем, впоследствии выбравшим себе более благозвучный вариант отчества — Фридрихович. Он родился в декабре 1888 г. в Венденском уезде Лифляндской губернии в семье батрака. Окончив приходское училище, Ян уехал в Ригу, где работал и одновременно учился в учительской семинарии. Однако уже в 16 лет юнец примкнул к коммунистам и вошёл в местную боевую дружину, вместе с «лесными братьями» нападая на баронские поместья. После поражения революции он долгое время находился на свободе, работал учителем, успешно вёл пропаганду и только в 1910 г. был вынужден перейти на нелегальное положение под именем М.И. Лациса, с которым и остался до конца жизни[2].

После Февральской революции опытный боевик и пропагандист стал одним из руководителей Выборгского райкома РСДРП (б) и организаторов Красной гвардии Петрограда. Его влияние в партии было заметным: Лацис последовательно избирался делегатом 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) и 6-го партийного съезда, на котором выступил с докладом от мандатной комиссии. В октябре 1917 г. как член Петроградского Военно-революционного комитета и руководитель Бюро комиссаров ВРК Лацис был в числе организаторов большевистского переворота и после его победы был направлен в наркомат внутренних дел, где стал членом коллегии и товарищем наркома. Среди других членов коллегии НКВД — будущие столпы ВЧК Дзержинский, И.С. Уншлихт, М.С. Урицкий. Затем Лацис ведал отделом местного управления, являлся куратором Административной части НКВД РСФСР и в феврале-мае 1918 г. был замнаркомвнудел РСФСР. Немало работников НКВД пополнило затем чекистские структуры; Лацис же решением ЦК партии с 20 мая 1918 г. был назначен членом ВЧК, сразу заняв в ней видное положение.

Настроенный крайне радикально, Лацис, по решению руководства ЦК, получил должность начальника Отдела по борьбе с контрреволюцией[3]. Одновременно Лацис вместе с Дзержинским и его заместителем В.А. Александровичем (эсером) вошёл в чрезвычайную тройку, имевшую при консенсусном решении право расстрела

обвиняемых. В организационном отчёте ВЧК за четыре года её деятельности Лацис объяснял причины возникновения ВЧК: «Первую борьбу с контрреволюцией пришлось вынести на себе Петроградскому Военно-Революционному комитету. В числе контрреволюционных элементов первое место занимали лжесоциалистические партии. Военно-Революционному комитету приходилось в первую очередь сталкиваться с ними. А у них имелись свои „плакальщики“ в составе ВРК в лице левых эсеров. Последние сильно тормозили борьбу с контрреволюцией, выдвигая свою „общечеловеческую“ мораль, гуманность и воздержание от ограничения права свободы слова и печати для контрреволюционеров. Для руководителей Советской власти становилось ясным, что совместно с ними будет невозможно вести борьбу с контрреволюцией. Поэтому выдвигается мысль о создании нового органа борьбы, куда бы не входили левые эсеры». Лацис очень откровенно говорил, что главной причиной образования ВЧК явилось «правильное понимание классовой борьбы и классового государства», осознание того, что «всякое государство есть аппарат насилия». Двумя другими факторами создания ВЧК были названы: репрессивный опыт прежней власти, «так долго державшейся... несмотря на то, что она опиралась лишь на меньшинство», и недостаточная сознательность народных масс, ещё пропитанных «старым духом»[4].

Мысль о невозможности допускать соседство в ВЧК представителей социалистических партий Лацис полностью разделял. Уже весной 1918 г. он предлагал убрать эсеров из руководства ВЧК, где те действительно обычно занимали более мягкие позиции в сравнении с большевиками. Придя к власти, большевики узаконили террор сначала де-факто, о чём откровенно в мемуарах несколько позднее написал сам Лацис, восхищаясь фигурой Дзержинского, «напросившегося на работу по водворению порядка в стране», занявшего «обрызганное кровью» кресло главы ВЧК и «шедшего в разрез с буквой закона, но действовавшего согласно своему классовому правосознанию и совести», поскольку ситуация первых месяцев после Октября требовала предоставить чекистам «право непосредственной расправы»[5].

Сразу после создания ВЧК Феликс Дзержинский заявил: «Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна... Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»[6]. Лацис публично и не менее откровенно поведал о том, как аппарату ВЧК «...жизнь заставила присвоить революционным путем право на непосредственные расправы. Тов. Дзержинский сделал шаг, декретом не предусмотренный, никем не разрешенный. Левые социалисты-революционеры, возглавлявшие комиссариат юстиции, поднимают вой, требуют поставить вопрос в Совнаркоме. Однако Владимир Ильич уклоняется от включения этого вопроса в повестку Совнаркома. Он понимает, что тов. Дзержинский прав. <...> По предложению Малого Совнаркома,

Совнаркомом в мае [1918 г.] было, кажется, принято постановление, объявляющее врагами народа действующие против Советской власти партии. Это постановление не было опубликовано, но о нем знали. Я даже не берусь сказать, было ли утверждено Совнаркомом это постановление[7]. Сомневаться заставляют неоднократные выступления Наркомюста против незаконной расправы ВЧК. Во всяком случае, эти права [для ВЧК] не были Совнаркомом широко декларированы. ...Поэтому тов. Дзержинский руководствовался партийной директивой и каждый раз применял ее, согласно требованиям момента"[8].

Чтобы большевистская система власти держалась прочно, как пояснял бывший нарком юстиции РСФСР И.З. Штейнберг, «...необходимо постоянное использование орудия террора... И вследствие этого, в среде самой бюрократии выделяется тот особенный слой её, который непосредственно владеет этими орудиями террора, непосредственно пускает их в ход. Диктатура бюрократии при диктатуре террора означает на самом деле диктатуру полиции..."[9] Чекисты первого призыва запомнили «длинную горячую речь» Дзержинского, который — через несколько недель после образования ВЧК — убеждал подчинённых, что у них, стражей революции, главный лозунг: «Цель оправдывает средства». Для Дзержинского внешнее отрицание пыток и прочих следственных крайностей было формальным — именно с него пошёл обычай продвигать тех отъявленных палачей, которые не стеснялись в методах принуждения «сознаний» арестованных, но умели их скрывать. Да и тот факт, что именно основатель ВЧК ввёл традицию ночных допросов для изматывания арестованных, говорит о многом.

До июля 1918 г. в аппарате ВЧК работало немало левых эсеров, которых чекисты обвиняли в излишнем гуманизме. Мария Спиридонова впоследствии заявляла о том, как её партийные товарищи задыхались в атмосфере «надругательства над душой и телом человека, истязаний, обманов, всепожирающей взятки, голого грабежа и — убийств, убийств без счета, без расследований, по одному слову, доносу, оговору...» Спиридонова вспоминала, как «убегал мертвенно бледный [зампред ВЧК] Александрович, умоляя взять его из чрезвычайки сегодня, сейчас»; как «пил запоем матрос [М.Ф.] Емельянов, говоря: убейте меня, начал пить, не могу, там убивают, увольте меня, я не могу□" В.М. Чернов восклицал: «Вместо того чтобы избавить большевистский режим от самой кровавой и грязной работы, чрезвычайки стали гангреной, разносящей заразу по всему организму «советской власти""[10]. Запах гангрены ощущали и в самой Чрезвычайной Комиссии. Уже 25 июля 1918 г. коллектив большевистской фракции служащих ВЧК (от имени 243 чел.) направил в ЦК партии и Ленину лично доклад с требованием «...раз и навсегда покончить с теми проявлениями массовых злоупотреблений сотрудников и даже членов [Чрезвычайной] Комиссии, которые наблюдаются за все время деятельности Комиссии... <..> Президиум Комиссии и заведующие отделами окружили себя секретными

сотрудниками, часто на вербованными из помилованных, к смертной казни приговоренных уголовных преступников... <..> Мы измучились в тисках этой проклятой атмосферы уголовщины, которая царит в Комиссии"[11].

Далеко не все большевистские руководители были готовы примириться с «гангреной» стремительно набиравших власть чрезвычайок. О хаосе во взаимоотношениях власти со своим карательным подразделением наглядно свидетельствуют относящиеся к октябрю 1918 г. факты пренебрежительного отношения некоторых местных чекистов к центральной власти и игнорирования ими мандатов за подписью самого Ленина. Говоря, что им на подобные документы наплевать, чекисты поясняли: «Мало ли какой сволочи вертится теперь около Ленина и Троцкого... Если сам Ленин попадетя в контрреволюции, он также будет арестован...»[12] С октября 1918 г. в советской прессе развернулась острая дискуссия об экстраординарных правах ВЧК, начатая членом редколлегии «Правды» М.С. Ольминским. Критики ВЧК обвиняли её в стремлении встать выше других органов власти и не подчинении исполкомам Советов, которые формально являлись высшими органами власти. Чекисты, поддержанные Лениным, который оценил критику ВЧК как «обывательские толки, ничего не стоящие», яростно отвергали претензии, хотя между собой на форумах, где собиралось высшее руководство спецслужбы, соглашались со многими резкими высказываниями в свой адрес[13]. Разложение местных аппаратов ВЧК, формировавшихся из случайных и карьеристски настроенных людей, нередко без партийных билетов, шло одновременно с формированием новых чекистских подразделений, увеличением их численности и расширением компетенции. Сопrotивляясь этому, сразу за решением бюро ЦК РКП (б) 19 декабря 1918 г. о недопустимости критики ВЧК и прекращения газетной полемики вокруг её деятельности, часть виднейших руководителей РКП (б) предприняли новое наступление на ведомство Дзержинского.

Я.М. Свердлов выступал за подчинение местных чекистских органов исполкомам, Л.Д. Троцкий полагал целесообразным передачу войск ВЧК в подчинение РККА. В начале января 1919 г. Н.И. Бухарин в «Правде» заявил, что чекистам следует отказаться от политики красного террора, иначе они «будут «выдумывать» для себя работу, т. е. вырождаться». В те же дни Л.Б. Каменев информировал Ленина, что «разложение ЧК идет все дальше и глубже, и реформой тут не поможешь». По мнению Каменева, Дзержинский в последнее время сосредоточился не на борьбе с контрреволюцией, а на пресечении должностных преступлений, в связи с чем ВЧК следует преобразовать в Особый отдел при ВЦИК, а борьбу с недостатками советского аппарата отделить и сосредоточить в Рабкрине. Правда, Каменев опасался, что даже изъятие права внесудебных приговоров «не остановит сп[е]ку[ля]ций, обысков и насилий над женщинами и пр.» со стороны чекистов[14].

Зная о борьбе в политических верхах относительно судьбы ВЧК, Дзержинский через своего ближайшего соратника, члена коллегии ВЧК Лациса, провёл пропагандистскую кампанию, в ходе которой с 21 января 1919 г. Лацис опубликовал в «Известиях ВЦИК» ряд статей под общим названием «Правда о чрезвычайных комиссиях». В них Лацис признал необходимость некоторых реформ в ВЧК — ликвидацию полностью скомпрометировавших себя уездных ЧК и определённую кадровую чистку. Также Лацис предложил объединить ЧК с милицией с целью создания отделов советской охраны в системе местных исполкомов. Это был компромисс в пользу Свердлова, поддержанный верховным арбитром — Лениным. Показательно, как ВЦИК разъяснял в секретном письме, адресованном губернским чекам, причины ликвидации существовавших уездных органов ВЧК и замены их гораздо менее крупными политбюро: «Правительство решило бросить «КОСТОЧКУ» — только так можно понимать упразднение уездных ЧК. Упразднены вывески, но оставлено самое важное — агентура, которая будет информировать губчека для принятия должных мер и ликвидации контрреволюционных сил»^[15]. Помимо ликвидации уездных чрезвычайок в большинстве регионов страны чекисты должны были передавать дела на разрешение в ревтрибуналы.

На деле все компромиссы разрешились в пользу чекистов: уездные ЧК активно действовали и создавались вновь в Сибири, на юге России и в губерниях Украины, а трибуналы получали для рассмотрения значительно меньшую часть дел, что показывало очевидное преобладание ВЧК над системой трибунальской юстиции; что касается милиции, то не местные ЧК были с ней объединены, а милиция фактически перешла в подчинение чекистов. Председатель Совнаркома всё время поддерживал позицию Дзержинского, а после внезапной смерти Свердлова позиции критиков ВЧК оказались ослаблены и подчинение ВЧК советским органам как отделов при исполкомах являлось весьма формальным.

Позиции самого Лациса в ВЧК были стабильно прочны. С конца мая 1918 г. он руководил основным отделом ВЧК — по борьбе с контрреволюцией, имея порядка 30 подчинённых. Во время выступления левых эсеров Лацис прямо в здании ВЧК был арестован матросами из чекистского отряда Д.И. Попова и уведён в эсеровский штаб, но вскоре был освобождён. Летом 1918 г. его земляк Я.Х. Петерс полтора месяца являлся председателем ВЧК вместо Дзержинского, ушедшего в отставку на время расследования обстоятельств левоэсеровского мятежа. Осенью Дзержинский уехал в Швейцарию для встречи с семьёй, так что роль Петерса и Лациса в середине и второй половине 1918 г. была исключительно велика. Лацис, тяготевший к литературной работе, был основным пропагандистом деятельности ВЧК. Его откровенно людоедские призывы, публиковавшиеся в «Правде» и «Известиях», долго не вызвали возражений высшего руководства страны. Например, 23 августа 1918 г. Лацис прямо напечатал

в «Известиях» своё кредо, сокрушаясь в интервью о недостатке решительности со стороны красных: «Установившиеся обычаи войны, выраженные в разных конвенциях, по которым пленные не расстреливаются и прочее, всё это только смешно: вырезать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны. ...Необходимо не только уничтожить живую силу противника, нужно показать, что каждый, поднявший меч против существующего строя, от меча и погибает. В этом — смысл гражданской войны, который хорошо учтён буржуазией, но нами очень туго или совсем не усваивается. В этом — наша слабость; в этом — причина многих поражений». В «Правде» от 19 сентября 1918 г. этот присяжный комментатор действий ВЧК, назначенный на Чехословацкий фронт, где ему по мандату Ленина подчинялись чекисты около десятка прифронтовых губерний, сообщая о взятии Казани, сожалел о недостатке поля для деятельности: «Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстреливать. Вынесено всего 6 смертных приговоров».

Но очень быстро объединённый Лацисом мощный чекистский аппарат доказал, что в состоянии массово уничтожать «врагов народа». В докладе Нижегородской губчека о работе за сентябрь 1918 г., где только в Нижнем Новгороде было казнено более 40 чел., говорилось, что «в сфере буржуазно-мещанского населения эти массовые расстрелы вызвали почти открытый ропот, но быстрый арест громадного количества таких ропщущих столь же быстро заставил всех остальных замолчать и смириться перед свершившимся фактом». За сентябрь в Нижнем Новгороде было арестовано 900 чел., из-за чего возникла паника: в страхе за жизнь люди покидали город, бросая дома и имущество. В небольшом Арзамасе, где временно обосновался Лацис, за сентябрь было арестовано 303 чел. и расстреляно — 43. В Емангашах Васильсурского уезда чекисты под начальством Ф.С. Фадеева расстреляли 23 жителя, и чекист доносил наверх, что «трупы крестьян валяются на улицах, как собаки». В татарской деревне Семёновской, после беспорядков с участием мобилизованной молодежи, Сергачская ЧК во главе с партийным лидером М.И. Санаевым и чекистом Н.И. Михельсоном расстреляла без суда и следствия 51 жителя. Повсюду в уездах шли казни заложников, расстрелы хоть за контрреволюционную агитацию, хоть за торговлю спиртом[16].

Руководя в октябре-ноябре аппаратом Казанской губЧК и осуществляя широкий красный террор, Лацис 1 ноября 1918 г. в издаваемом (вероятно, по его инициативе) казанском журнале «Красный террор» предложил, вместо следствия, просто спрашивать у обвиняемого о его происхождении и профессии, и на основании классовой принадлежности решать судьбу арестанта: «Мы не ведём войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуев как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти

<...> В этом смысл и сущность красного террора». В этом же журнале появилось письмо чекистов Нолинска о необходимости «утонченных пыток» для получения исчерпывающих показаний от ярых контрреволюционеров. Призывы пытать не были абстракцией и являлись инструментом допросов с первых месяцев существования ВЧК. Председатель ПетроЧК М.С. Урицкий летом 1918 г. требовал от Дзержинского наказать сотрудников ВЧК, которые дважды имитировали расстрел над 14-летним мальчиком[17]. Работавшая с Лацисом видная казанская чекистка В.П. Брауде (его знакомая по короткой иркутской ссылке в 1916 г.) позднее откровенно писала, что в годы Гражданской войны применяла пытки: «Я сама всегда считала, что с врагами все средства хороши, и по моим распоряжениям□ применялись активные методы следствия: конвейер и методы физического воздействия"[18]. Недаром позднее, осенью 1919 г., в Президиуме ВЧК к словам председателя Новгородской губЧК У.И. Пюккенена об избиениях отнеслись «довольно спокойно, не видя в этом ничего особенного"[19].

Публикации в «Красном терроре» обратили на себя внимание, и Ленин нашёл необходимым пожуричь Лациса за излишний радикализм, а Ем. Ярославский с порядочным опозданием, уже во время дискуссии о правах ВЧК, отхлестал в «Правде"[20]. После этого шуку бросили в воду — талантливый чекист Лацис, пользовавшийся за свою твёрдость большим уважением Ленина как «один из лучших, испытанных коммунистов», благополучно продолжил свою карьеру. А вторая половина 1918 г. стала периодом взрывного роста карательных органов. Если к августу 1918 г. по стране насчитывалось порядка 1 000 чекистов, то к концу года только уездных чека насчитывалось 365 и чекистов (вместе с бойцами карательных отрядов при них) было до 30 тыс. чел.[21]

С ноября 1918 по февраль 1919 г. Лацис возглавлял Секретный отдел ВЧК — ведущий орган политического сыска, осуществлявший негласный надзор за «противосоветскими» политическими партиями, группами и лицами, предупреждением и пресечением как «контрреволюционных явлений», так и спекуляции, бандитизма и должностных преступлений, а также гласным надзором за лицами, ограниченными в правах ЧК, и учётом советских служащих[22]. В начале 1919 г. ему было поручено активно отстаивать экстраординарные права ВЧК. А 2 апреля 1919 г. Лациса отправили исправлять дела во Всеукраинской ЧК, где местные чрезвычайки во главе с председателем ВУЧК И.И. Шварцем, членом партии с 1899 г., создавались с декабря 1918 г. и сразу заслужили такую худую славу своими бесчисленными преступлениями, что московским властям пришлось принимать какие-то символические меры.

За немногие месяцы своей работы в Киеве Шварц выстроил замкнутую и независимую от местных властей структуру красной охраны, отчаянно сопротивлявшуюся любым попыткам внешнего

контроля. Видный дипломатический и партийный чиновник Д.Ю. Гопнер в письме Ленину и Г.В. Чичерину от 22 марта 1919 г. писал из Екатеринослава о впечатлениях от чекистской работы после участия в заседании Украинского правительства, на котором нарком юстиции А.И. Хмельницкий и председатель Ревтрибунала «нарисовали печальную картину деятельности Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии», где «всё насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев». Перед членами правительства «предстала возмутительнейшая картина диктатуры этого *официально* подчиненного учреждения — картина полного игнорирования им всех законов и распоряжений Правительства. <...> Чрезвычайком цепко держит всех, кто попадает в её руки, и только в очень редких случаях дела передаются Трибуналу, а постфактум даваемые ею сведения о расстрелянных далеко не полны. Между тем ЧК оказывает сильнейшее сопротивление малейшей попытке разгрузить тюрьмы... а предъявить обвинения к большинству никак не может, запутавшись в густых сетях произвольных и совершенно беспричинных арестов, произведённых её агентами». Та же картина произвола и крайней жестокости, согласно письму Гопнера, наблюдалась и в местных чрезвычайках: «За время моих объездов по реокупированным территориям я пришел к совершенно неожиданному для меня заключению, что ЧК, наскоро создаваемые в этих местностях, совершенно непригодны к борьбе против контрреволюции и, что сами быть может того не желая, служат её ферментом, её аванпостом»^[23]. Несколько позднее, в 1920 г., председатель Верхтрибунала при ВЦИК Н. В. Крыленко на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции выразился в том же смысле, но уже о деятельности ВЧК в целом, заявив, что если ВЧК правой рукой уничтожает контрреволюцию, то левой — плодит её, причём неизвестно, которая из рук действует лучше: «боюсь, что она левша»^[24].

Глава правительства Украины Х.Г. Раковский писал Ленину о тяжёлом положении с кадрами карательного ведомства, прося к себе одного из признанных руководителей ВЧК: «Отпустите, если можно, Лациса, а также отправьте нам отряд из 100 латышей»^[25]. И с начала апреля 1919 г. ВУЧК возглавил именно Лацис, а Шварц остался в качестве его заместителя. Но ситуацию это ничуть не улучшило, напротив, террор и бесчинства чекистов только возросли, как и протест населения против них. Ощущая себя подлинным властным центром, чрезвычайщики сами устанавливали себе правила поведения: так, в Бердянске уездные чекисты в момент критического положения дружно отказались идти на фронт. В середине апреля 1919 г. командующий 2-й Украинской советской армией А.Е. Скачко сообщал: «Местные чрезвычайки ведут усиленную кампанию против махновцев в то время, когда те проливают кровь на фронте, в тылу их ловят и преследуют. Глупыми бестактными выходками чрезвычайкомы определённно

провоцируют население на бунт против советской власти... Работа местных чрезвычайек определённо проваливает фронт и сводит на нет все военные успехи, создав такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов никогда сделать не могли..."[26]

Весной-летом 1919 г. преступные деяния ВУЧК вызвали настоящую бурю протестов на Украине, особенно заметную среди военных властей. Так, на станции Долгинцево (Херсонщина) эшелоны бойцов бригады Н.А. Григорьева разогнали местную чрезвычайку, несколько раз это же происходило в Знаменке. В Лубнах кавалеристы В.М. Примакова пытались арестовать весь состав дискредитировавшей себя чрезвычайки; в июне в Бердичеве красноармейцы несколько раз разгоняли местных чекистов, причём Реввоенсовет армии, зная о безобразиях этого подразделения ВУЧК, де-факто не мешал бойцам. А во время восстания в Миргороде разъярённые жители убили семерых сотрудников ЧК[27] Враждебность украинского населения к ЧК подтверждает справка о состоянии дел в Киевской губернии от 15 мая 1919 г., которая поступила Л.Д. Троцкому: «Уманский уезд □ Сотрудники ЧК — евреи, которые попадают в руки населения, расстреливаются □ Бердичевский уезд. Части [красноармейские — А.Т.], которые проходят мимо города, занимаются произволом. Происходят погромы под лозунгом: «Бей жидов, громи ЧК, — они враги наши». Васильковский уезд являет собой гнездо бандитов, контрреволюционеров, и разной другой погани. Непрерывные восстания, грабежи и убийства, неоднократный разгон ЧК. В одном случае был убит бандитами почти весь состав коллегии и сотрудников ЧК □"[28]

Ленин в конце весны 1919 г. получил от своего близкого соратника Л.Б. Каменева некую сумму не менее выразительных фактов и 4 июня 1919 г. написал Лацису: «Каменев говорит — и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают, — что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся.

Надо постороже проверить состав, — надеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной okazji сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы».

Лацис ответил вождю, что в ВУЧК действительно оказалось много примазавшихся, в том числе тех, кто был изгнан из ЧК в Москве: «Я пошёл на очень большие уступки, чтобы улучшить состав чрезвычайных комиссий и избавиться от постоянных нареканий и погромов: упразднил уездчека и выбросил [из сферы чекистской компетенции] мелкую спекуляцию... запрещено забирать при арестах что-либо, кроме вещественных доказательств..."[29] Однако чекисты по-прежнему неистово грабили население, и уверения Лациса, «что положение улучшается», были явным блефом. Например, в июне

1919 г. Высшая административная инспекция проверила деятельность Киевской губчека и в докладе, адресованному партийному руководству, установила, что большинство чекистов не соответствуют своему назначению, ибо в губчека всё «испорчено жаждой власти в самом грубом смысле этого слова». Заключение следователей по уголовным делам голословны, безграмотны и «смехотворны», а приговоры сводятся к нескольким трафаретным словам: «такого-то расстрелять». Конфискованное имущество не учитывается: «Вещи часто выдаются сотрудникам и теперь образована даже комиссия... В распоряжение этой комиссии должно будто поступать 35 корзин с вещами и около 400 часов. Выдаются вещи по резолюции председателя"[30].

Сам председатель ВЧК Дзержинский не всегда мог добиться от подчинённых ему чрезвычайных сведений о причинах расстрела тех или иных людей, хотя для «железного Феликса», как видно из его переписки, подобные вещи были «мелочью». Из письма Дзержинского Лацису от 22 июля 1919 г. видно, что главный украинский чекист, быстро ощутив размер своих полномочий на огромной территории, просто игнорировал Лубянку, а Феликс Эдмундович достаточно мягко упрекал его как в сепаратизме по отношению к ВЧК, так и в недостатке твёрдости по отношению к местным властям: «Прежде всего мелочь. На наш запрос о расстрелянных профессорах — только запрос — Вы ответили об усах и бороде. Запрос свой мы сделали по поручению ЦК. Затем самое существенное: по отношению к нам Вы стали самостийником — стали такими объективно. Что Вы делали, мы не знали, связи с нами постоянной не поддерживали. К нам за помощью и указаниями в борьбе с самостийностью не обращались. Позволяли без нашего ведома вводить нововведения и реорганизацию. Не ища и не имея у нас поддержки, Вы не в состоянии были бороться с расхлябанностью и прожектерством украинских советских учреждений. Имея опору (да и то какую?) только у украинских властей, Вы не могли быть достаточно решительным и твердым. <...> Я думаю, ЧК на Украине, как в свое время в Великороссии ЧК губернские, должны быть органом центра, а задачей ВЧК было быть проводником политики ЦК РКП на Украине..."[31]

Спецификой периода Гражданской войны было то, что главную роль в борьбе с контрреволюцией играли армейские и фронтовые особые отделы ВЧК. На территории Украины их компетенция была выше, чем у ВУЧК и даже правительства УССР. Как вспоминал позднее один из украинских особистов М. Якшин, «Центральному управлению Особых отделов Юж[ного и] Юг[о]-Зап[адного] фронтов, в коем я состоял, приданы были функции учреждения, имеющего право контролировать и наблюдать действия не только ВУЧК, но и самого Совнаркома (например, произведенный мною обыск и арест служащих в канцелярии председателя Совета народных комиссаров Раковского, уличенных в преступлениях по должности и т. д.)"[32]. Особые отделы повсеместно заводили агентуру даже внутри губернских ЧК[33] и пытались контролировать все звенья аппарата и Украины, и других территорий.

Киевские власти, правда, постоянно пытались поставить своих чекистов на место. Например, в мае 1919 г. органы ВУЧК принялись выселять из квартир всех врачей как «буржуазный элемент», но тут запротестовала партийно-советская элита, прямо заинтересованная в получении качественной медицинской помощи. Х.Г. Раковский и народные комиссары выдавали своим личным врачам охранные свидетельства и не разрешали оставлять их без жилья. Лацису пришлось выяснять в Совнаркоме сложный политический вопрос — кого из лекарей всё же следует включать в категорию нетрудовых элементов, а кто из «гнилых интеллигентов» имеет шанс проскользнуть между шестернями ВУЧК[34].

В это время у Лациса появился новый заместитель — старый московский большевик А.В. Шишков, отбывавший перед революцией ссылку в Сибири, а затем активно участвовавший в установлении советской власти в Томской губернии. Будучи весной 1918 г. комиссаром по продовольствию Нарымского края, Шишков вызвал реквизициями целое восстание и даже был ненадолго арестован «кулаками». Перебравшись из захваченной белыми Сибири в Москву, твёрдый реквизиционер получил важную должность помощника заведующего отдела местного управления НКВД РСФСР. В марте 1919 г. он приехал в Киев и получил должность заведомо коммунального хозяйства НКВД УССР, а затем возглавил республиканский отдел управления НКВД. С мая по июль 1919 г. Шишков был зампредом ВУЧК, одновременно руководя Транспортным отделом ВУЧК и являясь членом республиканского ревтрибунала. До июня 1919 г. ещё одним зампредом ВУЧК подвизался А.И. Червяков, юрист по образованию, в 1918 г. работавший председателем Царицынской уездно-городской ЧК. (С июня 1919 г. Червяков был заведующим отделом управления Киевского губисполкома, а в мае-июле 1920 г. занимал аналогичную должность в Одессе. После войны благополучно избежавший террора Червяков преподавал марксизм-ленинизм в столичных вузах и умер в Москве в 1966 г.)[35]

Методы работы чекистов Украины были преимущественно провокационными. Так, в середине августа 1919 г. киевские чекисты обнародовали сообщение о раскрытии крупного заговора во главе с бразильским консулом А.П. Пирро, в который вошли целых семь человек. Вот официальная версия: «В августе 1919 г. в Киеве органами ЧК был раскрыт заговор, во главе которого стоял бразильский консул А. Пирро. Заговорщики поддерживали связь с белогвардейскими офицерами, некоторые из них проникли в советские учреждения. В распоряжении организации было много оружия и боеприпасов. Чекисты также раскрыли связь этой подпольной организации с французскими разведывательными кругами. Коллегия ВУЧК, изучив материалы дела, постановила расстрелять графа А. Пирро и его пособников Альфердова, Митрофанова, Трифановского и др»[36]. Удивительно, но в новейшей работе о НКВД и ВЧК К.В. Скоркин

упоминает «организацию» Пирро в качестве реально существовавшей[37].

На деле «консул» и «граф» Пирро был чекистским агентом, действовавшим с прямолинейной примитивностью. «Консул», не имевший при себе никаких документов и не скрывавший враждебности к большевикам, занял великолепный особняк и свободно расклеивал по всему городу обращения записываться в бразильское подданство. Новоиспечённых «бразильцев» просили передать на новую родину кое-какие письма, которые после их ареста, разумеется, объявлялись «шпионскими шифровками»[38]. У историка С.П. Мельгунова упоминается, помимо бразильского, ещё и такой же липовый чилийский «консул». Один из лидеров Коминтерна Анжелика Балабанова, работавшая после Одессы в Киеве как член коллегии НКВД УССР, вспоминала, как, узнав о подозрительной деятельности Пирро, пошла к Лацису с требованием арестовать или выслать «бразильца». Глава ВУЧК сдержанно ответил: «Мы позаботимся о нём». Уже в Москве Балабанова посетила Дзержинского: «Его, казалось, раздосадовала моя попытка вмешаться, и, когда я заговорила о деле Пирро, он посмотрел на меня с удивлением: разве я не понимаю, что Пирро — это агент ЧК, который был послан на Украину в роли провокатора?

Я была слишком потрясена, чтобы ответить ему. Я решила пойти к Ленину, объяснить ему, свидетелем чего я была на Украине, выразить протест против бессмысленной жестокости ЧК и методов, применяемых ею.

Когда я закончила говорить, в частности, о деле Пирро, Ленин посмотрел на меня с таким выражением на лице, которое было больше печальным, чем сардоническим.

«Товарищ Анжелика, — сказал он, — неужели вас жизнь ничему не научила?»

<...> Он... не пытался убедить меня, что я ошибаюсь, и после беседы с ним я ушла в состоянии глубокой подавленности"[39].

Террористические воззрения Лациса постоянно транслировались его подчинёнными. В августе 1919 г. киевская чекистская газета «Красный меч» в своём единственном выпуске опубликовала статью работника Секретного отдела ВУЧК С.С. Шварца «Да здравствует красный террор!» В ней выкрикивалось: «...Мы должны уничтожить наших противников всех не потому, что хочется мести, а для того чтобы отбить у всех у них охоту поднимать руку на рабоче-крестьянскую власть. <...> ...Наше неуместное «великодушие» каждый раз для нас вреднее англо-французских штыков. Это необходимо запомнить раз и навсегда нашим партийным товарищам, возбуждающим ходатайства об освобождении того или иного «интеллигента». Стоит лишь арестовать за вредную деятельность какого-нибудь профессора, военспеца, спекулянта, как со всех сторон сыплются десятки прошений... Нам твердят, что уничтожением этих элементов мы идём по пути регресса. Пусть так,

пусть мы на время отстаём, но зато уверены, что элементов, ставящих под угрозу само существование власти трудового народа, нет, что весь мусор чисто выметен красной метлой. Если для утверждения пролетарской диктатуры во всём мире нам необходимо уничтожить всех слуг царизма и капитала, то мы перед этим не остановимся... Малодушные, прочь с дороги!»

Сам же Лацис в этом же «Красном мече» от 18 августа 1919 г. самодовольно изрекал, претендуя на литературность: «Нам всё разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч... во имя раскрепощения от гнёта и рабства... Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные... Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-чёрный штандарт старого разбитого мира». В самодельных чекистских вершах того же **«Красного меча»** говорилось о мировом масштабе палаческой работы:

«И будет день,
Звездой благословенный,
Когда единый в Мире будет только Красный Свет,
И чрез Совдепы и Наркомвоены
ВУЧКа даст миру свой ответ"[40].

Даже по очень сомнительным данным Лациса, Киевская ЧК в 1918—1919 гг. расстреляла 825 человек, в то время как ВЧК — 781 человек[41]. Повсеместные жестокости украинских чекистов были невероятными, давая массу случаев откровенного садизма. Исполняя решения партийных властей, Одесская губчека в начале июля 1919 г. начала массовые расстрелы «буржуазного элемента». Во дворе здания ЧК на Екатерининской площади казнили в гараже до 50 арестованных за ночь. По воспоминаниям бывшего коменданта здания ЧК Н.Л. Мера, расстрелами занимались практически все сотрудники чрезвычайки, дежурившие по ночам. Приговорённых по заведённому гнусному обычаю раздевали донага, причём одежду сортировали на мужскую и женскую, верхнюю и нижнюю, затем партиями по 10–12 человек заводили в гараж, где и расстреливали[42]. Один из легендарных одесских палачей М.М. Вихман позднее вспоминал о своей работе в 1919 г.: «Лично мною были арестованы и расстреляны военный министр Украинской Рады — [А.Ф.] Рогоза и министр Коморный и еще много сотен врагов Советской власти расстреляны моею собственной рукой, точная цифра коих записана на моем боевом маузере и боевом карабине"[43]. Вихман входил в число рекорсменов, но конкурентов у него среди украинских чекистов было немало.

Арестованных подвергали изощрённым издевательствам и мучительным пыткам; глумились и над трупами. Белая «сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков» (26 августа 1919 г., № 110195, Ростов-на-Дону) гласила: «Одесса. <...> В подвалах одесской «Чрезвычайки» найдены орудия пыток, много трупов замученных. Среди орудий пыток обращают внимание особые приспособления [в виде]

цепей для растягивания конечностей. Английское командование привело в застенки «Чрезвычайки» команды своих кораблей. Орудия пыток произвели на английских матросов тяжелое впечатление». После захвата Одессы белыми появились описания того, что обнаружилось внутри здания губЧК: «У входа в Чека валялись трупы китайцев, палачей Чека, с рассеченными казацкими шашками головами. Толпа в ужасе сторонилась от них и бросалась дальше в широкий двор и темные подвалы. Везде кровь, везде запах разлагающихся трупов! Под навесом у каменной стены застывшие в ужасе трупы мучеников, последние жертвы большевиков. В яме, едва прикрытой землей, валялись части человеческих тел. На стенах подвалов запекшаяся кровь и застывшие мозги"[44].

О том, какой террор царил в Киеве, свидетельствуют воспоминания современников, в том числе и некоторых чекистов. ВУЧК заняла на углу Елизаветинской и Екатерининской улиц большой четырёхэтажный особняк Попова. В нём был подвал, в котором, по воспоминаниям современников, «...происходили убийства... Крики и стоны убиваемых слышны не только в местах заключения, но и в зале, где заседали следователи, разносились по всему дому Попова"[45]. Центральный комитет российского Красного Креста в феврале 1920 г. сообщал в свой международный центр, что в Киеве с февраля по август 1919 г. действовавшие в городе ЧК расстреляли около трёх тысяч человек. Как отмечалось в докладе, чекисты «щеголяли друг перед другом своей жестокостью"[46]. И это не являлось полемическим преувеличением со стороны противников большевиков.

Согласно воспоминаниям бывшего следователя Киевской губчека Михаила Болеросова, попавшего в руки к белым, «...чекисты в это время производили обыски и аресты, неприкрыто грабя население. Особенной любовью пользовалось у них золото, бриллианты и спирт. Служба превратилась в беспредельный кутеж, сопровождаемый и изнасилованием женщин, и истязанием арестованных». По данным комиссии белого генерала Рерберга, производившей расследование преступлений ЧК в Киеве, гараж губернской ЧК выглядел так:

«Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими остатками. Все стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи. Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в десять метров длины. Этот желоб был на всём протяжении доверху наполнен кровью... В саду того же дома лежали наспех поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни□ Тут нам особенно бросилось в глаза, что у всех трупов размозжены черепа, у многих даже совсем расплющены головы□ Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а□ отрывались□ ...Лежали трупы

с распоротыми животами, у других не было членов, некоторые были вообще совершенно изрублены. У некоторых были выколоты глаза, и в то же время их головы, лица, шеи и туловища были покрыты колотыми ранами. Мы нашли труп с вбитым в грудь клином. У нескольких не было языков. В одном углу могилы мы нашли некоторое количество только рук и ног. ...Одна женщина была связана веревкой со своей дочкой, девочкой лет восьми□"[47]

Другой мемуарист описал этот гараж как бетонированный сарай, «...стены которого хорошо заглушали звуки выстрелов... Сарай этот был оставлен ушедшими большевиками в самом кошмарном виде. Пол был залит кровью, по углам валялись куски человеческих мозгов"[48]. Конечно, расстрельные подвалы губернских чека выглядели устрашающе не только в губерниях Украины. Жуткое впечатление произвёл пыточный подвал Енисейской губЧК в Красноярске на заместителя председателя Сибревкома В.Н. Соколова, в июне 1920 г. отметившего, что его перед проверкой успели подчистить: «Кровь так и стоит огромными чёрными лужами, в землю не впитывается..."[49] А после «киевлянина» А.В. Шишкова, совсем недолго проработавшего в Новониколаевске (будущем Новосибирске), его сменщик С.Л. Пупко обнаружил весной 1920 г. в сарае во дворе Новониколаевской (Томской[50]) губчека «следы крови на полу, стенах и лестнице, ведущей в подвал..."[51]

Реальная контрразведка недавно созданных чрезвычайек отдавала кустарщиной даже в губернских центрах. Иван Бунин в дневниковой записи 9 июня 1919 г. отметил: «В первый раз в жизни увидел не на сцене, а на улице, среди бела дня, человека с наклеенными усами и бородой. Так ударило по глазам, что остановился как поражённый молнией"[52]. Скорее всего, это был агент из службы наружного наблюдения Одесской губЧК, поскольку белые заговорщики наверняка маскировались умнее. В августе 1919 г. деникинским войскам внезапным ударом удалось захватить Одессу, причём на помощь белому десанту пришли одесские офицеры, сумевшие организовать вполне серьёзное подполье. Этот факт говорит о том, что многочисленным одесским чекистам, увлечённым ограблением и истреблением «буржуев», не удалось как следует справиться со своими обязанностями по безопасности власти.

Украинская большевистская власть была некомпетентной, нетрезвой и криминализированной, а также воспринималась большинством населения в качестве чужеродно-еврейской, что предопределило сокрушительное поражение красных летом 1919 г.[53] В августе 1919 г. знаменитый чекист Я.Х. Петерс был назначен комендантом Киевского укрепленного района и начальником гарнизона, но и это не помогло: фронт под ударами Деникина и Петлюры рухнул, так что красным властям, включая Лациса с Петерсом, пришлось бежать сначала в Гомель, а потом в Россию. За собой отступавшие большевики оставляли разруху и следы повсеместного террора. Когда части

Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля в июне 1919 г. вошли в Царицын, командующий столкнулся с исключительными трудностями в организации гражданского управления освобождённым краем, так как «была уничтожена подавляющая часть местных интеллигентных сил — всё мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено»^[54]. Террор большевиков в 1919 г. лишил Украину, как и другие подсоветские территории, огромной части самого квалифицированного населения.

М.Я. Лацис с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г. занимал последний свой пост в ВЧК, являясь начальником её ведущего отдела — Секретно-оперативного (затем — Секретного). Пытаясь усилить своё влияние, он боролся с сепаратизмом военных чекистов, желая подчинить Особый отдел своему собственному. На 4-й конференции ВЧК в феврале 1920 г. Лацис высказал ряд фактов и важных соображений, доселе не публиковавшихся. Сначала он напомнил, что вся работа ВЧК выросла из борьбы со спекуляцией, охватив к 1920 г. уже «все отрасли государственной работы». Касаясь деятельности антисоветских сил, Лацис уверял, что каждая из девяти имеющихся враждебных большевикам политических партий создаёт подпольные организации, которые ныне якобы объединены в единый заговорщицкий блок. В губернских ЧК уже была осуществлена специализация наблюдения за этими партиями: уполномоченные и их помощники отдельно разрабатывали партии социалистической ориентации, отдельно — так называемые правые партии (от кадетов до монархистов)^[55].

Говоря о работе против церкви, Лацис констатировал необходимость серьёзных тактических перемен: «Попа, который получал от патриарха приказание предать анафеме сов. сотрудников[,] мы расстреливали. Но[,] считаясь с тем, что большинство наших крестьян и рабочих продолжают посещать церковь и этого попа колдуна слушать[,] мы решили изменить нашу тактику... <...> Если в темных уголках деревни имеются слепые верующие люди, спрашивающие благословения[,] отправляясь на фронт, то в наших интересах[,] чтобы поп это благословение дал. ...Если этот крестьянин услышит от попа, что и эта власть от бога, то нам, не придется иметь дело с теми крестьянскими восстаниями, которые происходят. Например, в Киевской губернии в местечке Триполь[е], восстали исключительно лапотники бедняки, даже не средняки, а бедняки и восстали на почве [ограничений в исповедовании] религии». Имея в виду массовое заагентурирование священнослужителей, обязанных подпиской к доносительству, Лацис отметил: «Я от многих комиссий получил доклад, что этот перелом произошел и попы сделались нашими сотрудниками и подписались под квитанцией[,] после чего они уже не имеют возможности отступления»^[56].

Касаясь принципов организации негласной работы, Лацис указал на необходимость строгого разграничения функций агентуры и соблюдения конспиративности в этой работе. Агенты наружного

наблюдения (разведчики) должны получать задания и передавать результаты через специальных лиц, официально никак не контактируя с ЧК. Секретные агенты должны находиться на связи у уполномоченных губЧК и так, чтобы их знал только этот уполномоченный. Что касается осведомителей, то они являлись обычно коммунистами или советскими служащими, которые на платной основе[57]информировали о работе своих учреждений. В среднем на губернию таких осведомителей насчитывалось, по словам Лациса, к началу 1920 г. примерно по 200 чел., поскольку в каждом учреждении и кооперативе «нам нужен свой глаз». Осведомители в чекистском штате не состояли, подчёркивал Лацис, и содержались за счет «особых секретных сумм»[58]. Для работы внутри враждебных партий и организаций следовало иметь конспиративных сотрудников внутреннего наблюдения, лучшие из которых — работающие на идейной основе и происходящие из лиц, разочаровавшихся в данной партии. Однако необходимо было искать и просто платных агентов: «Война есть война и нам брезговать подобными способами не приходится. А напротив[,] приходится подчас иметь и эти нечестные способы, чтобы знать, что делается в той или другой соц. партии». Здесь Лацис всё еще именовал пользование платными агентами «нечестным» способом работы, и указывал, что основная работа по осведомлению должна быть направлена против социалистических партий[59].

В начале мая 1920 г. Дзержинскому, как вспоминал Лацис, стало «скучно» в Москве и он надолго уехал наводить революционный порядок на территории Украины, что снова усилило роль основных лубянских лидеров. Конкретная деятельность Лациса пришлась на самые кровавые годы ВЧК и заложила основы чекистского подхода к направлениям своей службы, а также к арестованным. Наш герой пояснял: «Она (ВЧК — А.Т.) уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концлагерь. Мы всё время были чересчур мягки, великодушны к побеждённому врагу и недооценивали его жизнеспособность и подлость... В самом начале необходимо проявить крайнюю строгость, неумолимость, прямолинейность: что слово — то закон. <...> ...Работа ВЧК должна распространяться на все те области советской жизни, где вкоренилась контрреволюция□ ВЧК должна смотреть за всем: за военной жизнью, за продработой, за народным просвещением, за всеми... хозяйственными организациями, за санитарией, за пожарами, за народной связью и так далее и так далее»[60].

Лацис и после ухода из «органов» всемерно способствовал повышению их имиджа. Защищая прежде всего себя, в мемуарах 1926 г., опубликованных журналом «Пролетарская революция», Лацис заявил о якобы фальсифицированных киносвидетельствах зверств чекистов Украины, которые активно распространялись белыми властями в 1919—1920 гг. Также он цинично объяснял размах преступлений в карательном ведомстве обилием властных полномочий, повторяя понравившийся образ «игры головами» из своей публицистики 1918 г.: «ВЧК играет

головами граждан, в ее руках имущество населения. Разве трудно в таких условиях поскользнуться рядовому сотруднику? Ведь кругом искушения, а власть — почти безграничная"[61]. Отмечая 10-летие «органов», чекист вновь уверял, что чекисты никогда не зверствовали: «Сплошным лицемерием являются все вопли буржуазных писак об ужасах Чрезвычайки», ибо «пролетариат был чужд мести и не практиковал ни пыток, ни глумлений"[62]. Статистика чекистских репрессий, приводимая Лацисом[63], сильно занижена и может считаться только некоей минимальной оценкой жертв красного террора.

По своей натуре Лацис был кровожадным садистом, считавшим, что враг должен мучиться и в тюрьме, и перед смертью. Он выдвинул множество палачей, делавших затем удачную карьеру. Сам же после двух с половиной лет службы предпочёл уйти на гражданскую работу, как и множество крупных соратников Дзержинского. Пока неизвестно, был ли этот уход, санкционированный ЦК РКП (б), добровольным. Вполне возможно, заслуженный чекист просто устал от истребительной работы. Поскольку Лацис покинул ВЧК осенью 1920 г., его отставку неправомерно связывать, как это сделал один из историков, с подготовкой реформы чекистского ведомства в конце 1921 — начале 1922 гг.[64] По крайней мере, Лацис сохранил тесный контакт с Дзержинским, который более года держал за ним место в Коллегии ВЧК и именно Лацису в конце декабря 1921 г. поручил редактировать будущий «Отчёт ВЧК за все время ее деятельности. М., 1922». Дзержинский, обращаясь 27 декабря 1921 г. с этой просьбой к Лацису, предлагал ему широкий фронт деятельности и подчёркивал, что она не будет касаться оперативной работы: «Мы хотели предложить Вам быть нашим редактором и заняться исключительно отчетами, изданиями, статьями, политическими циркулярами и т. д. ...О нас никто ничего не знает. Надо издать официальный отчет за три года. Возьмитесь за это"[65]. В условиях, когда приближавшаяся реформа ВЧК должна была пройти не по сценарию Дзержинского, он хотел использовать для популяризации деятельности карательного ведомства руку матерого чекиста-публициста Лациса. Бывший соратник отчет подготовил, но под руку «железного Феликса» не вернулся.

Не держа обиды, Дзержинский в декабре 1922 г. на торжественном заседании в честь 5-летия ВЧК-ГПУ в следующих выражениях оценил перед подчинёнными знаменитую жестокость Лациса: «Мы знаем одного товарища нашего, которого называли погромщиком буржуазии и помещиков, тов. Лациса, который был страшной грозой на Чехословацком фронте, на Украине (*аплодисменты*), и Вы помните, товарищи, какие были тогда нарекания, что Лацис на Украине ведет себя слишком по-московски, что он не щадит и профессоров... Этот самый товарищ Лацис сейчас восстанавливает нашу соляную промышленность, торгует солью... с большим успехом (*аплодисменты*)..."[66] По сути, это был и призыв к чекистам действовать в острой обстановке так же решительно, как некогда действовал Лацис, и опровержение

обоснованности всякой критики в его адрес. В кратком ответном слове Лацис, расхваливая и бывшего шефа как «рыцаря революции», и свою деятельность, заявил: «Наша работа, работа Чрезвычайной комиссии, была самой черновой работой революции. Мы работали, засучив рукава. В этой работе пройти чистой, не замаранной сумела Чрезвычайная комиссия лишь потому, что во главе ее был поставлен самый чистый благородный человек нашей революции тов. Дзержинский». Лацис пожелал, чтобы «он бессменно стоял на своем прежнем посту до той минуты, когда не нужна будет ВЧК и ее наследница ГПУ»[67]. А сразу после смерти Дзержинского Лацис уверял, что именно основатель ВЧК в 1922 г. обратился в правительство с просьбой ликвидировать своё детище и образовать ГПУ[68], хотя ныне известно, что Дзержинский был противником ликвидации ВЧК и вопрос этот решался, конечно, не правительством, а в Политбюро ЦК РКП (б)[69].

Лацис не смог занять в хозяйственной номенклатуре поста, аналогичного по значению своей бывшей чекистской работе; на партийные съезды после 1921 г. он также не избирался. С 1923 г. отставной чекист трудился на должностях среднего уровня, проявляя привычное жёсткое администрирование, но добиваясь весьма скромных результатов. После работы в Наркомземе РСФСР Лацис в 1928 г. был отправлен ответственным инструктором в аппарат ЦК ВКП (б), но не смог там задержаться и позднее подвизался в акционерном обществе «Скотовод» и «Союзрыбе», а в 1932—1937 гг. являлся директором Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Попутно он написал четыре агитационные пьесы. Кстати, не избежал Лацис и строгого партийного выговора в 1924 г. как поддавшийся эпидемии «хозяйственного обрастания» (арендовал дачу на льготных условиях)[70]. В конце ноября 1937 г. бывший чекист стал жертвой массовой «латышской операции» и был во внесудебном порядке 11 февраля 1938 г. расстрелян, а в 1956 г. — признан безвинной жертвой политических репрессий, реабилитирован и восстановлен в партии, которой верно служил.

Статьи, мемуары и интервью Лациса, его брошюры по истории ВЧК, а также тексты казанского журнала «Красный террор» и киевской газеты «Красный меч» поныне являются очень важным источником по истории советской политической полиции. Появившиеся в первое советское десятилетие, они отражали реальность хоть и крайне идеологизированную, но ещё не искажённую будущим кондовым сталинистским вмешательством, содержа факты и суждения, которые тогда не считались шокирующими своей откровенностью. Но уже вскоре эти документы стали запретными, а Лацис — врагом народа. Однако с 1950-х гг. основные теоретические положения Лациса о чекистах, чьи успешные жёсткие меры были исключительно ответными в связи с якобы гораздо более массовым белым террором, а руководимый коммунистами героический кадровый состав включал лучших партийцев страны, стали фундаментом историографии органов госбезопасности[71], оставаясь

образцом и для целого ряда современных исследователей, особенно ведомственных [72].

Примечания:

[1] Ратнер Е.Н. А главное — верность. Повесть о Мартине Лацисе. — М., 1983. — 351 с.

[2] *Архив ВЧК: Сборник документов.* — М., 2007. С. 685–686.

[3] Плеханов А.М. *Дзержинский. Первый чекист России.* — М., 2007. С. 246.

[4] Лацис М.Я. *Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. Первая организационная часть.* — М., 1922. С. 5–8 (цит. по: *Леонов С. В. Создание ВЧК: Новый взгляд // Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год.* — М.: Великий Новгород, 1999. С. 69–74).

[5] Лацис М. *Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция.* 1926. № 9. С. 81, 83–84, 85.

[6] Бонч-Бруевич В.Д. *На боевых постах Февральской и Октябрьской революций.* — М., 1931. С. 191–192.

[7] *Малый Совнарком 23 мая 1918 г. объявил членов руководства кадетской партии вне закона, а меньшевиков и эсеров — «врагами народа», предписав ВЧК арестовать руководство этих партий. СНК РСФСР с некоторыми оговорками утвердил курс и на ликвидацию партии народной свободы, и на фактическую ликвидацию партий меньшевиков и эсеров // Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики в пору октябрьской революции и Гражданской войны // Государственная безопасность России: История и современность.* — М., 2004. С. 390–391.

[8] Лацис М. *Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция.* 1926. № 9. С. 85, 89.

[9] Штейнберг И.З. *Нравственный лик революции.* — Берлин, 1923. С. 99–100.

[10] Че-Ка. *Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий.* — Берлин, 1922. С. 17. Здесь, конечно, следует учитывать, что левые эсеры поддерживали террор против буржуазии и, даже покинув советское правительство в знак протеста против Брестского мира, оставили своих представителей в ВЧК.

[11] Капчинской О. *Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав.* — М., 2005. С. 344, 345, 350.

[12] *Государственная безопасность России: История и современность.* — М., 2004. С. 371.

[13] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 17, 22, 118, 122.

[14] «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...» (публ. Д.С. Новоселова) // *Военно-исторический журнал.* 2006. № 12. С. 51–54.

[15] Петров М.Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие. — Новгород, 1995. С. 34–35.

[16] Смирнов С. 95 лет назад началась кампания «красного террора» // <http://nizkray.ru/2013/09/01/nck2/>

[17] Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики в пору октябрьской революции и Гражданской войны... С. 356.

[18] См.: Сыченкова А. Чекистка // Гасырлар Авазы (Эхо веков). Казань, 2002. № ¾.

[19] Леонов С.В. Государственная безопасность советской республики в пору октябрьской революции и Гражданской войны... С. 400.

[20] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410; Ярославский Ем. Недопустимая мерка // Правда. 1918. 25 дек.

[21] Legget G. The Cheka. Lenin's Political Police. — Oxford, 1981. P. 98.

[22] Капчинской О. Госбезопасность изнутри... С. 94.

[23] Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. — М., 1996. С. 81–83.

[24] Цит. по: Шекшеев А. П. Органы ВЧК на территории Енисейской губернии // Вестник института саяно-алтайской тюркологии. — Абакан, 2002. Вып. 6. С. 118.

[25] Голиченко В. На Украине по заданию Ильича // Коммунист Советской Латвии (Рига). 1970. № 12. С. 71.

[26] Лебедь Д.З. Итоги и уроки трёх лет анархо-махновщины. — Харьков, 1921. С. 21.

[27] Семененко В.И. Слепая верность: Из истории Всеукраинской ЧК // Клио. Историко-художественный журнал. № 1. Харьков, 1994. С. 26-38.

[28] Волконогов Д.А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 1. — М., 1992. С. 283–284.

[29] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 338; В.И. Ленин. Биографическая хроника. — М., 1976. Т. 7. С. 264.

[30] Абраменко Л.М. Последняя обитель: Крым, 1920–1921 годы. — Киев, 2005. С. 70.

[31] Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России. — М., 2007. С. 40-41.

[32] См.: Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред. Ю.Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский. — М., 2004.

[33] См.: Седунов А.В. «Отвечая на угрозы из-за кордона». «Прибалтийский фактор» в деятельности ВЧК-ОГПУ в приграничных

районах Северо-Запада России в 1918—1940 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М., 2006. С. 70.

[34] Семененко В.И. Слепая верность: Из истории Всеукраинской ЧК □ С. 26.

[35] Борцы за власть Советов. Вып. 1. — Томск, 1959. С. 259–270; Скоркин К.В. НКВД РСФСР: 1917–1923. — М., 2008. С. 258, 771–772, 766–767.

[36] На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1922 гг: Сб. документов и материалов. — Киев, 1971. С. 118.

[37] Скоркин К.В. НКВД РСФСР: 1917–1923... С. 220.

[38] Виноградов А. Бойня // Новая интересная газета. Тайны истории. 2004. № 1. С. 6–7.

[39] Балабанова А. Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалистки. 1897–1938. — М., 2007. С. 245–247; Беленкин Б. Биограф (ия) в тупике: жизнеописание афериста и обстоятельства времени. Случаи А. Пирро и З. Двойриса // Право на имя: Биографика 20 века: Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе: 20–22 апреля 2010 г. — СПб., 2011.

[40] Цит. по: Литвин А. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. — М., 2004. С. 93.

[41] Лацис М.И. Два года борьбы на внутреннем фронте. — М., 1920. С. 76.

[42] См.: Зинько П.К. Кое-что из истории Одесской ЧК. — Одесса, 1998.

[43] ГДА СБУ України. Спр. 51645. Т. 1. Л. 225.

[44] Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии □ - М., 2004; Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. — Белград, 1922. С. 127.

[45] Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии □ - М., 2004; Провинциальная ЧеКа. Сборник статей и материалов. — Харьков. Спецвыпуск журнала «Клио». 1994. С. 50.

[46] Архив русской революции. — Берлин. Т. 6. 1922. С. 347, 349.

[47] Мельгунов С. Красный террор в России. — М., 1990. С. 127–128.

[48] Гольденвейзер А.А. Из киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. 6. — М., 1991. С. 258.

[49] Шишкин В. И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы // Гуманитарные науки в Сибири. № 2. — Новосибирск, 1994. С. 48–51.

[50] В декабре 1919 — марте 1920 гг. центром Томской губернии был Новониколаевск.

[51] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1242. Л. 75.

[52] Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана... — М., 1990. С. 321.

[53] Корновенко С.В. Субъективные факторы аграрной политики большевиков в Украине как одна из причин нарастания крестьянского повстанческого движения в 1919 году // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия: доклады Академии военных наук. Саратов, 2009. № 3 (38). С. 43.

[54] Врангель П.Н. Записки. Часть 1 // Белое Дело. Избранные произведения в 16-ти книгах. Кн. IV. Кавказская армия. — М., 1995. С. 211–212.

[55] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 24, 26.

[56] Там же. Л. 27, 28.

[57] По другим данным, основная часть коммунистов работала на чекистов без оплаты.

[58] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 29, 30.

[59] Там же. Л. 30.

[60] Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией. — М., 1921. С. 8–9, 24.

[61] Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 86.

[62] Лацис М.Я. ВЧК на страже завоеваний Октября // Рабочий суд. 1927. № 24 (136). С. 1940, 1943.

[63] Лацис М.И. Два года борьбы на внутреннем фронте. — М., 1920. С. 75, 76.

[64] Новоселов Д.С. О судьбе чекиста Мартина Лациса (1921–1938) // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. — М., 2008. С. 145.

[65] Плеханов А.М. Дзержинский. Первый чекист России... С. 247 (автор ошибочно датировал это письмо 1920 г.).

[66] Архив ВЧК: Сборник документов. — М., 2007. С. 620.

[67] Архив ВЧК □ С. 625–626.

[68] См.: Лацис М.И. Ф.Э. Дзержинский и ВЧК // О Феликсе Дзержинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. — М., 1977.

[69] Ведомственный историк аккуратно указывает на якобы всего лишь «неточность» Лациса в связи с приписыванием инициативы в реформе ВЧК Дзержинскому. См.: Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. — М., 2006. С. 105–106.

[70] Скоркин К.В. НКВД РСФСР: 1917–1923... С. 678, 679; Новоселов Д.С. О судьбе чекиста Мартина Лациса... С. 148.

[71] Кубасов А.Л. Мартын Янович Лацис как историк Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология

и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2012. № 2. Ч. 2. С. 104–108.

[72] Плеханов А.М. *Дзержинский. Первый чекист России.* — М., 2007; Яковлева М.А. *Дискуссии 1919–1921 годов о функциях и правах Всероссийской и Московской чрезвычайных комиссий: современный взгляд // Эл. журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 6. Серия: История.*

Впервые опубликовано: Радянські органи державної безпеки в Україні (1918–1991 рр.): історія, структура, функції. Матеріали круглого столу 19 грудня 2013 р., м. Київ / Упоряд.: О. Г. Бажан, Р. Ю. Подкур. — К.: Інститут історії України НАН України, 2014. С. 347–378.

<http://rusk.ru/st.php?idar=67809>